

страны воспринимают опыт передовых. Ф. Энгельс писал о «великой исторической связи, без установления которой история в лучшем случае являлась бы готовым к услугам философов сборником примеров и иллюстраций»⁵. Все это общеизвестно и понятно, когда мы говорим о современности. Но когда речь идет о далеком прошлом, зачастую на первый план выдвигаются теории спонтанного, самобытного развития, а порою не признается даже последовательность прогрессивного чередования социально-экономических формаций.

Чем обусловлены подъем, а затем упадок Византии и ее гибель? Эта проблема интересовала еще Монтескье, Лебо и Гиббона, но до сего времени нельзя считать, что мы в состоянии ответить на вопрос: почему же, когда и в чем Византия отстала от Запада? В историографии есть тенденция строить выводы, так сказать, *ex eventu*: если в конечном счете прогрессивный, капиталистический строй развивался не в недрах Византийской империи, а на Западе, если не в Византии, а именно в Западной Европе XIV—XV вв. появляются важные научные открытия, то классическим следует признать западный феодализм. Таким образом, для перехода к феодализму закономерными и необходимыми оказываются этнические изменения вплоть до геноцида, и уничтожение Римского государства, разрушение городов, замена римского права варварскими *Правдами*, уничтожение централизации, упадок культуры. Институты же, специфические для Византии, обстановка, существовавшая там в переходное время, порою признаются причиной отставания, а в дальнейшем и гибели Византии: централизация, бюрократия, устойчивость правовых отношений, недостаточно быстрое развитие феодальных институтов западного («классического») типа.

Конечно, в основе подобного вывода лежит методологически и логически неправомысленный прием: исходная обстановка принимается за конечную причину, специфика — за закономерность, несмотря на то, что на протяжении почти 800 лет обстановка и в Византии и на Западе изменилась. Как известно, под влиянием различных факторов при одном и том же способе производства одни общества могли быстрее двигаться вперед, другие отставать. Конкретные явления закономерного процесса находятся не в прямой функциональной зависимости от конечной причины, но только в корреляционной. Факторы самого различного порядка оказывают порою совершенно противоположное влияние; даже вопреки конечной причине, но тем не менее в общей статистически корреляционная связь несомненна.

В чем же специфическая особенность общественного строя Византии по сравнению с Западом? В первую очередь надо сказать о централизации государственного управления, развитом бюрократическом аппарате. В историографии высказывается мнение, будто централизация в Византии породила общественное безразличие к судьбам империи, безразличие моральное и гражданское. *Априори* принимается за аксиому, что при феодальном способе производства не должно быть ни централизации, ни бюрократии. Но так ли это? Безусловно, феодальная иерархия была необходима для господства над трудящимися при слабости или отсутствии центральной власти, но это — специфика так называемого «германского способа производства». К. Маркс употреблял этот термин, нужно думать, не имея в виду феодальной формации в целом. Он хотел лишь подчеркнуть, что иерархическая структура общества является отличительной особенностью развития германцев; тем более, что при жизни К. Маркса внутренняя история Византии и других стран, кроме Западной Европы, была еще мало исследована.

Действительно ли феодальному способу производства обязательно присуща феодальная иерархия? Для ответа на этот вопрос вернемся к

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 21, стр. 287—288.